

УДК 82-92

**КОНЦЕПТ «НИГИЛИЗМ»
В ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ ПУБЛИЦИСТИКИ
КОНЦА 80-х – 90-х ГОДОВ XX ВЕКА**

А.Ш. Бик-Булатов

Аннотация

В статье анализируются публичные дискурсы конца 80-х – 90-х годов XX в. – времени развала СССР, формирования российской либеральной модели, отрицания коммунизма – через призму известного концепта «нигилизм», особенно активно разрабатывавшегося отечественной журналистикой в середине XIX – начале XX в., на новом витке возвратившегося в публичное поле в период так называемой перестройки. Слово «нигилизм» не стало основной метафорой нарождающегося перестроечного дискурса, но разработка нового дискурса во многом шла по сценариям, сформированным русскими публицистами прошлых столетий при обсуждении нигилистической темы.

Ключевые слова: перестройка, нигилизм, интеллигенция, мещанство, дискурс.

С середины 90-х годов XX в., с развалом СССР, термин «нигилизм» начинает появляться в политической публицистике в знакомых нам по прежним временам значениях. Так, Александр Янов, известный современный историк и публицист, придерживающийся ярко выраженных либеральных взглядов, в 1996 г. пишет как о негативном явлении о формировании «нигилистического направления» в российском либерализме (куда он относит Л. Куликова, Г. Лисичкина и, по всей видимости, Е. Гайдара) [1], то есть течения, отрицающего русскую историческую традицию, стремящегося строить либеральное государство с нуля, опираясь на исторический опыт скорее Запада, нежели своей страны. Снова актуализируется прежняя система координат: «нигилизм, западничество, отрицание исторической преемственности» и др., – известная нам по публицистике XIX века.

Обсуждение путей развития русского либерализма (вместе с преодолением коммунистического наследия) на рубеже 80–90-х годов явилось, помимо прочего, новым полем для формирования первого в обновленной России публицистического дискурса нигилизма, правда в основном это происходило в толстых журналах, в серьёзных, почти научных обществоведческих статьях, ориентированных главным образом на читателя-интеллектуала, нежели на массовую аудиторию. В контексте той полемики нигилизм рассматривался некоторыми авторами как культурологический феномен, присущий цивилизации на данном этапе развития. «Современный цивилизационный процесс можно понять как драматургию неэквивалентного информационного обмена между различными

культурами, одна из которых провоцирует наиболее подвижные элементы других – в первую очередь интеллигенцию и молодёжь – пренебречь нормами своей культуры в пользу престижных “цивилизационных универсалий”. Легко догадаться, что российская культура сегодня скорее реципиент, чем донор» [2, с. 150].

Формирование поля дискурса в 90-е годы шло по уже знакомым сценариям: западничество; вопрос об интеллигенции; даже категория пользы, введённая некогда Н.Г. Чернышевским, заново осмысливается, теперь вместе с наложившимся интеллигентским переживанием сталинских репрессий: «Мы боялись шевельнуть языком и пером (но – шевелили), чтобы не помешать, не повредить “великой сермяжной правде”. Нет не только от страха за себя и близких, но от многопоколенного интеллигентского исповедания “великой цели”. От фетишизации политической “пользы” “интеллигентщина” превратилась в “образованщину”», – пишет Дора Штурман в 1993 г. [3, с. 177], обращаясь сразу к двум дискурсам – сборника «Вехи» (1909) и солженицынского «Из-под глыб» (1974).

Предъявление счёта советской интеллигенции времён тоталитаризма, поддерживавшей режим и не осуждавшей массовые репрессии, – очень характерная тема перестроечной публицистики. Логика нового обвинения интеллигенции строится на аналогии: прежде (в XIX веке) социалисты, исходя из признания примата общественной пользы, оправдали (и поддержали) как метод политический террор одиночек, теперь – террор государства. Но и либеральная интеллигенция 60-х годов XIX столетия шла на компромисс с государством во имя своей «пользы» – сохранения завоеваний великих реформ Александра II, за что, кстати, нещадно критиковалась тогдашними народниками (в частности, М. Салтыковым-Щедриным) и демократами. В статье же Д. Штурман продолжается скорее «веховская» традиция критики изнутри (самобичевания интеллигенции). И именно это можно объективно выделить как тенденцию, характерную для публицистики перестройки.

На рубеже 80–90-х годов XX в. переход к рыночным отношениям вновь актуализировал тип мещанина, который стал представляться в какой-то степени противостоящим прежнему, нигилистическому (революционному) «политическому человеку» и рассматривался некоторыми авторами начала 90-х как положительный тип, родовой по отношению к новому положительному герою нарождавшейся эпохи – частному предпринимателю. Характерно уже название одной из статей этого времени А. Панарина: «Революционеры и бюргеры, или неоконсервативный опыт реабилитации репрессированного мещанина» [4].

В целом эта тематика вливалась в гораздо более мощный, корневой для тогдашней публицистики дискурс среднего класса (ср.: «Перестройка победит лишь тогда, когда мы создадим условия и возможности – прежде всего экономические – для формирования в стране советского “среднего класса”» [5, с. 191]).

Можно констатировать, что сценарные варианты осмысления нигилизма в XIX – начале XX в. оказались востребованы в общественно-политических толстожурнальных статьях эпохи перестройки. Всё же ещё раз отметим, что влияние этих статей и формировавшегося в них нового дискурсного поля распространялось в основном в среде интеллектуалов, хотя в них и поддерживался общий для этого времени мотив, связанный с отречением от коммунизма и переходом к капиталистическому, рыночному, демократическому на западный манер

обществу. Слово «нигилизм», хотя и присутствовало в публицистике рассматриваемого периода, всё-таки не стало основной метафорой этого дискурса, реализовывавшегося, однако, именно в сценариях, близких к нигилистической теме рубежа XIX – XX вв.

Публицистический дискурс 80–90-х годов, лишь недавно ставший частью истории, сейчас все больше привлекает внимание исследователей. Последнее по времени масштабное научное обсуждение прошло в рамках международной конференции «Советская общественность в эпоху перестройки (1985–1991)» (Москва, Германский исторический институт, 13–15 ноября 2008 г.). Здесь были сформулированы некоторые значимые качества дискурса новой эпохи. Так, В. Воронков отмечает, что в отличие от западной советская действительность характеризовалась доминированием неписаных правовых норм («правообычие») наряду с нормами официальными, а также параллелизмом частной и официальной общественной сферы, что приводило к появлению двойных стандартов. В литературе этот феномен описывается как «социальная шизофрения» *homo soveticus*. Только после десталинизации и преодоления границ дозволенного диссидентами, перенесшими часть приватного в публичную сферу, отобравшими у государства контроль над неофициальной сферой и таким образом сломавшими установленные им правила игры, кристаллизировалась приватно-публичная междусфера. С наступлением перестройки границы между приватной и официальной публичной сферами были стерты, однако в сознании советского человека они, по мнению Воронкова, по-прежнему сохранялись [6].

Заметен и интерес молодых учёных к перестроечному дискурсу как наименее разработанному историками журналистики. В новейших работах есть уже довольно интересные выводы, касающиеся данной тематики. Так, в статье Л. Ахметзяновой находим ключевые понятия этого дискурса, ею фиксируется активное вхождение в публицистику экономических терминов, а в качестве основной дискутируемой проблемы, находящейся в фокусе публицистики, называется «достижение экономической стабильности, формирование и укрепление российского среднего класса» [7, с. 30].

В свете нашей темы можно отметить, что традиционная нигилистическая ситуация в это время также нередко описывается в экономических терминах: «Произошла приватизация насилия, его разгосударствление. При всей нашей нелюбви к советской тоталитарной системе тут радоваться нечему. Тем более что одновременно произошла приватизация морали» (Д. Драгунский «Весь мир насилия») (цит. по [7, с. 28]).

Исследование перестроечного дискурса в современной науке соотносится с общим повышением интереса к дискурсивным исследованиям по истории журналистики. В филологической науке переход к дискурсивным исследованиям связан с разграничением предмета исследования лингвистики и новой риторики. М. Бахтин отмечал: «Литературоведческая стилистика здесь прямо совершает прыжок из области лингвистики в область эстетики, мировоззрения, политики и т. д. (что и составляет научную область исследования новой риторики. – А.Б.). Лингвистическая стилистика останавливается, не дойдя до этих пограничных вопросов» [8, с. 294].

По мысли М. Бахтина, событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. Эту событийность (предполагающую некоторую стратегию взаимодействия) и обозначают в последние десятилетия словом «дискурс». Данное взаимодействие носит глубоко ментальный характер и может быть не только непосредственным и синхронным, но также опосредованным и диахронным.

Исследователи выделяют три стороны коммуникационного события – рефлексивную, креативную и рецептивную. Первая представляет собой типовую (модальную) риторическую картину мира, предполагаемую данным высказыванием общей для говорящего и воспринимающего. Креативная компетенция отражает типовое (модальное) поведение субъекта коммуникации. А рецептивная компетенция текста требует соответствующей компетентности адресата, обеспечивающей адекватность восприятия.

Известно, что «дискурсный анализ выявляет в тексте манифестирование таких инстанций дискурса, которые могут трактоваться как метасубъект, метаобъект и метаадресат» [9, с. 17]. Выделение метасубъекта дискурса связано с разработкой креативной компетенции.

Метасубъектом представляется некоторая риторическая фигура авторства, которая «приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса» [9, с. 17]. В этой связи уместно также привести пояснение М. Бахтина: «Говорящий человек. В качестве кого и как (т. е. в какой ситуации) выступает говорящий человек... форма авторства и иерархическое место (положение) говорящего (вождь, царь, судья)» [10, с. 371].

М. Фуко подчёркивал, что «выбор стратегий не вытекает непосредственно из мировоззрения или предпочтения интересов, которые могли бы принадлежать тому или иному говорящему», он совершается «в соответствии с положением, занимаемым субъектом по отношению к области объектов, о которых он говорит. <...> Не следует понимать субъект высказывания как тождественный автору формулировки... он является определённым и пустым местом, которое может быть заполнено различными индивидуумами» [11, с. 74].

В нашем случае, при общей роли основных субъектов – все они публицисты (ответ на бахтинское «кто и как»), мы можем констатировать различное «положение субъектов относительно объектов». Здесь удачнее привести примеры из более отдалённого по времени, но и более изученного XIX века, где М. Катков – политик и «прокурор» (обвинитель нигилизма); Н. Чернышевский – политик, названный нигилист; Л. Толстой в «Исповеди» выступает в качестве «обывателя» (обычного человека современной цивилизацией заражённого нигилизмом), а Ф. Достоевский в «Дневнике писателя» больше в качестве учителя, проповедника.

Необходимо чётко разграничивать значение публициста как конкретного автора, представителя русской журналистики, и дискурсное «место публициста», занимаемое им по отношению к объекту исходя из определённых социальных, психологических или политических обусловленностей.

Разработка рецептивной компетенции нацелена на выявление метаадресата, в нашем случае – представления о читателе прессы в разные эпохи (от узкого

высокообразованного дворянского круга в 20-е годы XIX в. до позднейшей подлинно массовой аудитории с включением обывателя с довольно ограниченным тезаурусом). Сюда же относим выявление необходимых читательских компетенций (понимание эзопова языка, уровень начитанности и вовлечённости в «повестку дня», уровень общей образованности – все эти характеристики изменяются в разные эпохи).

Разные представления об идеальном читателе свойственны для разных эпох и отчасти являются обусловленными задачами журналистики. В период преобладания политической составляющей читатель – почти однопартиец, а читатель оппозиционных изданий – враг (ср.: образ благонамеренного читателя в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»). В 90-е годы XIX в. на первый план выдвинулись экономические интересы, целью теперь стало не создание сообщества единомышленников, а привлечение наибольшего числа читателей к газете, вне зависимости от их политических пристрастий, для обеспечения большей рекламоёмкости издания. Первым в этой парадигме начало работать суворинское «Новое время», получившее от не привыкшего к подобного типа изданиям М.Е. Салтыкова-Щедрина прозвание газеты-флюгера. Годы перестройки (рубеж 80–90-х годов XX в.) также характеризуются преобладанием социально-политического компонента, но задача перехода государства на новые основания ощущалась как общая потребность, а не узкопартийная программа какого-то одного течения.

По замечанию В.И. Тюпы, «феномен трёхаспектности риторической модальности (референтной, креативной, рецептивной) и составляет то качество, наличие которого преобразует лингвистическую реальность слов (языка/речи) в металингвистическую реальность говорения или письма (дискурс)» [9, с. 18]. Интертекстуальные цепи таких событий М. Фуко трактует как дискурсивную «практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [9, с. 18]. Представление о метаобъекте дискурса М. Бахтин раскрывает так: «Предмет речи говорящего уже оговорён, оспорен, освещён и оценен по-разному. На нём скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления. Говорящий – это не библейский Адам, имеющий дело только с девственными, ещё не названными предметами... и потому самый предмет его речи неизбежно становится ареной встречи с мнениями непосредственных собеседников... или с точками зрения, мировоззрениями, направлениями, теориями и т. п. (в сфере культурного общения)» [8, с. 198–199]. Любая тема публицистики и есть эта самая арена встречи. На примере изучения нигилизма мы видели, что в те или иные эпохи актуализируются разные значения этого явления. Нигилизм не один тот же в разные времена, при том что он понимается одинаково всеми участниками дискуссий в конкретный период. Задача – выделить эти дискурсивные значения, объяснив основание их доминирования в этот период и потери позиций на следующем этапе.

Таким образом, использование дискурсного подхода предполагает комплексное научное постижение истории журналистики. Во-первых, мы должны нарисовать «картину мира», определить границы журналистики в этот период, охарактеризовать «повестку дня» (ключевые темы), назвать основные действующие силы (издания и публицистов). Во-вторых, остановившись подробнее

на основных субъектах, дать характеристику их позиции, общественным и политическим ролям. Необходимо воссоздать образ читателя и определить предпочтения аудитории в этот период, а также манеру обращения к читателю ведущих публицистов. В-третьих, выделить конкурирующие дискурсивные значения, показав динамику и характер обсуждения ключевых тем в журналистике периода, через которые и будет достигаться осмысление журналистики как живого процесса взаимодействия различных СМИ.

Возвращаясь непосредственно к общественно-политическому дискурсу эпохи перестройки, отметим важное замечание Марии Ерохиной: «В новом публицистическом режиме роли литературного критика, авторитетного писателя, эссеиста, историка, экономиста и философа предполагали близкий набор обсуждаемых тем и почти идентичный аналитический инструментарий, соседствовали друг с другом на страницах одного издания и легко совмещались в структуре самоопределения одного автора» [12]. По мнению Изабель де Кигель, исследовавшей дискурс 80-х – начала 90-х годов XX века в медийном поле того времени через призму отношения к фигуре П. Столыпина, поначалу в общем дискурсе доминировали публицисты и кинематографисты. Профессиональные же историки подступили к проблеме позже и демифологизировали публицистический образ Столыпина.

Итак, изменяется сам субъект аналитической журналистики. Другой по сравнению с прошлыми временами стала и публицистика. И в наступившем столетии еще возникнут дискуссии об общественной роли современного критика и собственно критики, что добавит трудностей при попытке определения главных агентов, формирующих значения понятия «нигилизм» для современного социума. Крайняя позиция высказана А. Штейнгольдом: «Общественная роль критики изменилась – это факт. Своё бывшее положение в культуре и социальной сфере она утратила, а нового пока не обрела» [13, с. 200].

С 2000-х годов слово «нигилизм» всё чаще появляется в печати, и можно, пожалуй, сделать вывод о вновь формирующемся дискурсе нигилизма в отечественной журналистике. Однако исследование этого концепта в публичном поле XXI века будет сопряжено с рядом трудностей. Станет необходимым учитывать смену культурной парадигмы, тенденции массовизации культуры, глобализации, современного развития технологий. Дискурсный подход уже не сможет быть исчерпывающим методом изучения интересующего нас вопроса. Приведём в этой связи мнение современного исследователя Т.С. Воропай: «Особенностью нынешней культурной ситуации является её близость к некоему уже начавшемуся парадигмальному сдвигу, суть которого не вполне ясна. <...> В культуре происходит смещение с превосходства текста в сторону превосходства образа, а это коренным образом меняет человека, его перцепцию, когнитивные способности¹. <...> Кино, а не литература выступает сегодня источником

¹ Эта мысль в тех или иных вариациях представлена не только у названного автора, но уже кажется довольно распространенной (так, в рецензии Ксении Голубович «Чтение в эпоху кино, или Французское настроение» читаем: «Кино не просто одно из искусств, в каком-то смысле оно потеснило литературу, заняло её место», – далее приводится замечание Олега Аронсона: «Кино – это такая система, которая не просто требует иного типа восприятия, но меняет сам характер опыта» [14]). Уместно в этой связи упомянуть также работу Ж. Делёза «Кино» (2004). Безусловно, исследователи нигилизма в публичных сферах XXI века столкнутся с иной, нежели в прежние времена, медийной ситуацией, с по-иному устроенными публичными аренами.

инноваций. <...> Не только индустрия развлечений, но и политика плавно перешла от дискурсивности к визуальности, от игры смыслов – к игре образами» [15, с. 11, 25].

Конечно, дискурсивность никуда не исчезнет, но, безусловно, необходимо будет сверять текстовые смыслы с визуальными «образами» современного нигилизма¹, дополнять эти смыслы, учитывать современные законы восприятия, когнитивные способности человека эпохи информационного общества. Пока задачу характеристики нигилизма XXI века мы оставляем за пределами нашего исследования. Сейчас ещё очень сложно сказать, возникнет ли принципиально новый дискурс нигилизма, сложившийся на иных основаниях, или он будет наследовать прежнему, восстанавливая прерванную традицию концептуализации нигилизма в русской публицистике и литературе. В любом случае изучение этой традиции в свете современного развития журналистики представляется нам актуальным.

Summary

A.Sh. Bik-Bulatov. The Concept of Nihilism in the Public Discourse of Journalism in the Late 1980s and Early 1990s.

The article analyses political and mass media discourses in the late 1980s and early 1990s (the time of the demise of the Soviet Union, the formation of Russian liberal model, and the negation of communism) in terms of the well-known concept of nihilism, which was being actively developed in Russian journalism in the mid-19th and early 20th century and returned to the public sphere during the perestroika period. The word “nihilism” did not become a key metaphor for the emerging discourse of perestroika, but the formation of the new discourse was to a large extent based on the elaborations of the Russian publicists of the previous centuries on the problem of nihilism.

Key words: perestroika, nihilism, intelligentsia, philistinism, discourse.

Литература

1. Янов А. Российские либералы против русской истории // Дружба народов. – 1996. – № 11. – С. 112–130.
2. Панарин А. Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм? // Знамя. – 1993. – № 9. – С. 148–163.
3. Штурман Д. В поисках универсального со-знания. Перечитывая «Вехи» // Новый мир. – 1994. – № 4. – С. 133–184.
4. Панарин А. Революционеры и бюргеры, или неоконсервативный опыт реабилитации репрессированного мещанина // Дружба народов. – 1991. – № 12. – С. 178–194.
5. Криворотов В. Ирония истории, или О пользе изучения дискуссий прошлого // Знамя. – 1989. – № 12. – С. 187–197.
6. фон Зааль Ю. Международная конференция «Советская общественность в эпоху перестройки (1985–1991)» // Нов. лит. обозр. – 2009. – № 97. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/za40.html>, свободный.

¹ Можно было бы, в частности, рассмотреть киношные образы «новых людей» от Даниила Багрова (фильм «Брат», реж. А. Балабанов) до, к примеру, перекочевавшего из литературы акунинского Эраста Фандорина, архетипически связанного с героями XIX века (ср.: признание Б. Акунина: «...Определенную ностальгию по героике Чернышевского я чувствую» [16, с. 11]).

7. *Ахметзянова Л.* Экономическое направление в публицистике 1990-х годов // Тонус. – 2009. – № 17. – С. 23–30.
8. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 1996. – Т. 5. – 731 с.
9. *Тюпа В.И.* От поэтики к риторике // Дискурс. – 2007. – № 14–15. – С. 6–33.
10. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 2002. – Т. 6. – 799 с.
11. *Фуко М.* Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.
12. *Ерохина М.В.* Литературно-критический дискурс эпохи перестройки: переопределение границ. – URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/html/09_4.pdf.htm, свободный.
13. *Штейнгольд А.М.* Анатомия литературной критики. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.
14. *Голубович К.* Чтение в эпоху кино, или Французское настроение // Нов. лит. обозр. – 2006. – № 4 (80). – С. 333–343. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/go29.html>, свободный.
15. *Воропай Т.С.* Между глобализацией и культурой // Филос. науки. – 2009. – № 10. – С. 11–32.
16. Одиннадцать бесед о современной русской прозе. Интервью Кристины Роткирх. – М.: НЛО, 2009. – 160 с.

Поступила в редакцию
24.02.11

Бик-Булатов Айрат Шамилевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru